

Введение

Один и тот же мир может быть предметом изучения науки, объектом воздействия магии и проектом духовного отношения к себе. Наука, по словам Хайдеггера, есть затаптывание сущего. Философия — это противоядие против науки, религия же это философия для толпы. Если философия — это противоядие от науки, то эстетика — противоядие от философии, обслуживающей науку. Эстетика — это последний рубеж, далее простирается сфера вообще не доступного рационализации. Эстетика и «эстетическое» образуются вокруг оценки «нравится», «это хорошо», «это прекрасно, красиво», то есть вокруг оценки, исходящей из конечной ценности, не предполагающей никакого иного основания, кроме самой себя. Основание ценности «прекрасное» в ней самой, нравится, потому что нравится, без отсылок к чему-либо приходящему. Таковы самодостаточные ценности. Далее эстетическому отступать некуда. Но это не означает, что эстетике можно свести к аксиологии, к ее приложению к конкретной области, как это иногда и делается. В этом случае эстетика была бы прикладным (частным) учением об одной из культурных форм. Соответственно подходящими методами для эстетики были бы феноменологические, структурологические, психоаналитические, то есть полностью превращали бы ее в конкретную дисциплину и фактически превратили в конкретную дисциплину о неких особых типах культурной деятельности. Эстетика, таким образом, растворяется в частных теориях: искусствознании, теории стилей и эпох (античность, возрождение, просвещение, современность), музыкальная теория, теория архитектуры, живописи, дизайна, фольклора, ландшафта и т.д. Это прямой путь распада эстетики в описаниях и частичных объяснениях фрагментов налично существующего в данной культуре. При этом распад идет по следам негативного процесса в культуре, так что основная эстетическая оценка «нравится», «прекрасно» вынуждается отрицать самую себя, то есть самодостаточная ценность оказывается внутри себя отрицанием. Иными словами, самоотрицание помещается в саму суть эстетики.

Кроме того, на судьбе эстетики становятся очевидными те трудности, которые возникают в гуманитарном знании перед натиском доминирующей в познании естественнонаучной ориентации. Проблема несводимости двух типов знания и поиска их единства предлагает еще раз обратиться к размышлениям о том месте, которое занимает или должна занимать эстетика среди других дисциплин, а также

о том, как она должна сама себя определять, обращаясь к собственным основаниям. Грубый рационализм науки охотно жертвует неуловимым для его сложившихся понятий, но эту жертву не может принести живущий человек, существование которого делается плоским через присутствие вне-эстетического и не-эстетического.

Эстетика ищет среди этих основных ориентаций себе место в их неуловимом исходном единстве. Наука, конечно, в своем истоке соприкасается и с магией, и с философией, но, отрекаясь от этого родства, оборачивается господством над так называемым материальным миром. Поэтому образом познания мира наукой становится физика, а идеальным языком описания — математика. Очевидно, для возникновения идеи «физического материального мира» были совершены определенные интеллектуальные усилия философией, введены определенные ограничения в признании одних знаний достоверными и истинными, а других — нет, то есть вовсе не-знаниями. Философия таким образом стала учением о познании, перестав быть любовью к истине.

Любое действие и любая ситуация могут осуществляться и быть поняты или научно или магически, ориентируясь на причинно-следственные отношения или телеологические. Телеологические отношения к ситуации и действия в ней могут быть строго рациональными, а могут быть магическими в зависимости от того, какие волевые ресурсы задействует ориентирующая действие мысль.

Философствование по поводу телеологического отношения и действия в ситуации, в том числе, разумеется, магического, составляет дисциплину, называемую этикой. Существующие в настоящее время этические доктрины редко осознанно включают в себя понимание магической составляющей любого действия, поэтому огромная доля повседневных действий вытеснена в сферу, которая под титулом обычаев, ритуалов и предрассудков передается в ведение этнографии. На самом деле, именно правила безопасного и, следовательно, безвредного магического действия составляют ядро морали, рационализация коей порождает этику.

Итак, первоначальное деление дисциплин, претендующих на статус философских, проходит по границе познание—действие. Однако эстетика не может быть поставлена по одну сторону границы. В определенном смысле ее предмет универсален, эстетическое может быть распространено на все сущее. В этом отношении важен вопрос о категориях эстетики, то есть ее универсалиях, без которых невозможно помыслить эстетику как дисциплину, причастную философии. Если старые категории больше не могут охватить изменившуюся ситуацию,

то это еще не значит, что не должно быть вообще никаких категорий и основоположений. Изменившийся предмет исследования также есть вызов, на который эстетика должна ответить новым самоопределением, то есть поиском более глубоких, метафизических оснований, обращением к неизменным принципам, что позволило бы поместить эстетику в изменившейся гносеологической ситуации среди других, смежных с ней дисциплин. Второй момент, также представляющий собою определенный вызов для самоопределения эстетики, это взаимодействие культур, то, что обычно мыслится под проблемой «Восток-Запад». Метафизика западной картины мира, очевидно, определила и судьбу эстетической позиции. Культуры Востока, традиционные культуры ориентированы иными метафизическими принципами. И в этом смысле особую сложность мы встречаем в том, что собою представляет и должна собою представлять эстетика в России. Обо всех этих темах речь идет в настоящем исследовании.

Лобимова Т.Б.